

Ю. Д. Гранин²НОВАЯ ФОРМА ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ³

Подводя предварительные итоги первой четверти XXI века, ознаменованного глобальной пандемией COVID-19, военно-политическим и экономическим конфликтом России с Украиной и коллективным Западом, многие отечественные и зарубежные аналитики оценили их как беспрецедентное по масштабам и скорости изменение характера мирового развития и даже как деглобализацию человечества. Если первое утверждение имеет солидное эмпирическое подтверждение, то второе можно охарактеризовать как теоретический казус, в основании которого лежит нерелевантное многими аналитиками и методологически спорное представление о возможности «оборачивания» тенденций и законов истории. Как и физическое, историческое время необратимо, так и тенденции исторической динамики не могут быть повернуты вспять. Следовательно, и глобализация как многовековая тенденция к объединению цивилизационно, экономически, культурно, политически и иначе разделенного человечества в глобальную общность может изменять (и изменяет) лишь темпы и конкретно-исторические формы своего осуществления. Она может быть прервана лишь в результате планетарной катастрофы, за которой последуют массовое вымирание и социальная деградация человеческого рода. Есть и дополнительные аргументы против использования концепта деглобализации. Учитывая их, продуктивно вести речь лишь о смене исторических форм глобализации, меняющих центры и принципы развития

человечества, но не отменяющих его поступательного движения ко все большей взаимозависимости и связанности больших и малых сообществ людей — народов и цивилизаций⁴. Поэтому, кстати, масштабные экономические и информационно-культурные антироссийские санкции Запада 2022–2024 годов оказались малоэффективными.

На протяжении многих столетий глобализация транспортных, торговых и людских потоков, формирование региональных, макрорегиональных и глобальных финансовых и экономических сетей и корпораций, международных политических организаций, союзов и альянсов осуществлялись главным образом посредством политики глобализма исторически сменяющих друг друга в качестве лидеров великих держав, образовавших пояс стран-сателлитов и всегда претендовавших на мировое господство. Ни одной из них не удалось достичь желаемого. Но интеграция человечества усиливалась. И уже к концу XIX века стало возможным констатировать появление качественно нового состояния истории человечества: она действительно стала «всемирной», но не однородной. Как и ранее, образовывались периодически сменяемые векторы, центры и полюсы экономического и политического развития.

После Второй мировой войны человечество вступило в эпоху дуполярного состояния — период конкуренции двух миросистем: евро-атлантической системы капитализма и мировой системы социализма, завершившийся переходом к однополярной глобализации под эгидой США. Этот период мог бы продолжаться, если бы США сами не торпедировали сформированную ими же тенденцию к однополярной неолиберальной глобализации мира, в пространстве которой не только они, но и многие страны так называемого второго эшелона развития (Китай, Россия и др.) получали немалые экономические и технико-экономические выгоды⁵. В итоге из возможного партнера и даже союзника Россия (в меньшей степени КНР) превратилась в противника «и стала военно-стратегическим стержнем не-Запада, который чаще всего называют Гло-

² Ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 220 научных публикаций, в т. ч.: «Нации и национализм. Теория и история», «Государство модерна. Национальный и социальный векторы эволюции», «Глобализация, нации и национализм: история и современность», «Национальные государства в глобализирующемся мире: социально-философский анализ», «Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее» и др. Член редколлегии журналов «Вопросы философии и психологии», «Личность. Культура. Общество», «Телекинет», «Вестник РФО». Член Союза журналистов РФ.

³ Доклад подготовлен на основе: Гранин Ю. Д. Новая форма глобализации и цивилизационная специфика России // Век глобализации. 2021. № 2 (38). С. 3–16; *Он же*. Россия и альянсы Евразии. Поворот на Восток перед лицом вызовов Запада // Свободная мысль. 2021. № 5 (1689). С. 91–104; *Он же*. Россия в региональных альянсах государств Евразии. Цивилизационное измерение // European Journal of Philosophical Research. 2021. № 8 (1). С. 3–13; и другие работы автора.

⁴ Гранин Ю. Д. Глобализация: диалектика исторических форм осуществления // Век глобализации. 2014. № 1 (13). С. 90–103.

⁵ Ли С. Л. Америка, Китай и угрозы конфронтации // Россия в глобальной политике. 2020. № 4. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/aziatskij-vek-v-opasnosti/> (дата обращения: 20.08.2024).

бальным Югом, более точное название — Мировое большинство»¹.

Последняя квалификация России как «военно-стратегического стержня Мирового большинства», пожалуй, слишком успешна. Действительность такова, что так называемое Мировое большинство крайне неоднородно, а его азиатская часть пока игнорирует предложенный В. В. Путиным проект создания новой континентальной мегаструктуры (Большое Евразийское партнерство), которая должна объединить общеконтинентальные усилия с участием стран ЕАЭС, ШОС, АСЕАН и быть открытой для стран ЕС. Политика прагматична, поэтому наших партнеров больше интересует возможность использования России в качестве транзитного коридора, поставщика сырьевых ресурсов, современного оружия и космических услуг (объем которых неуклонно сокращается) и, конечно, в качестве «толкача» для включения в состав непостоянных членов Совета Безопасности ООН. Россия в этом вопросе готова пойти навстречу им, а также Бразилии и Южно-Африканской Республике, которые просили об этом на XIV саммите стран БРИКС. Но ее внешнеполитические возможности ограничены, а экономическое положение, особенно после введения санкций, оставляет желать лучшего. Единственное, что действительно сблизает Россию с ее главными партнерами в Евразии (Индией и Китаем), — это их *объективное ценностно-смысловое противостояние Западу* в качестве особых стран-цивилизаций, вынужденных осуществлять политику «догоняющего развития» без утраты своей цивилизационной идентичности.

Особенно это противостояние усилилось после попыток США сдержать развитие новых мировых центров, объявления в 2020 году Соединенными Штатами холодной войны Китаю, что естественным образом сблизило его с Россией и повысило шансы на реализацию другого макрорегионального проекта: создания треугольника «Россия–Индия–Китай» как тактического дипломатического альянса трех полиэтнических и поликонфессиональных цивилизаций, государственные интересы которых не обеспечиваются евро-атлантической версией глобализации. В качестве дипломатических коалиций альянсы не раз подтверждали свою эффективность. И хотя президент В. В. Путин не исключил (при определенных условиях) даже военно-политического союза с Китаем, долговременное стратегическое сотрудничество трех великих держав маловероятно в силу преобладания «национального эгоизма». Несмотря на то что Китай и Индия не имеют на гербе двуглавого орла, они, как и Россия, внимательно смотрят и на Восток, и на Запад в поисках краткосрочных и долговременных выгод для себя.

Последние довольно очевидны в условиях стабильного мирового порядка. Но в условиях наступившей хаотизации мира («игры без правил»), когда политика действий через глобальные институты становится неэффективной, далеко заглядывать не приходится. Поэтому ставка на тактическое партнерство предпочтительнее. Но и здесь необходима координация общих

целей внешней политики союзников, которая всегда и везде является средством для внутреннего развития стран. А успехи внутреннего развития гарантируют привлекательность их общего внешнеполитического курса для пока еще не присоединившихся государств. В пространстве такой диалектики внутреннего и внешнего перспективно действовать, согласовывая интересы участников возможного альянса, учитывая неравенство стартовых условий, объективную принадлежность всех трех государств к странам второго мира, вынужденным участвовать в зачастую нечестной экономической, научно-технической, военной и иной глобальной конкуренции.

Чтобы в ней не проиграть, *нужны согласованные национальные стратегии развития*, связанные с отказом слепо следовать рекомендациям МВФ, ВТО и других институтов международного нелиберализма. Взамен их предлагается признание приоритета национальных интересов, реформирование экономики, опирающееся не только на заимствованные у Запада формы экономической и политической жизни, но и главным образом на собственные социокультурные и политические традиции и ресурсы. Ключевым моментом таких национальных стратегий является *мера сочетания западных и собственных форм модернизации*. Варианты здесь могут быть самыми разными: от весьма высокого уровня вестернизации нескольких сфер жизни государства до незначительного, охватывающего в основном экономическую сферу. Пример первого варианта развития дали Япония и «новые индустриальные страны» Юго-Восточной Азии. Итоги их развития в долгосрочной перспективе оказались не столь значительны в сравнении с Китаем, успех которого был особенно впечатляющим.

Прежде всего обратим внимание на то, что сблизает Китай и Россию: это отсутствие войн между двумя странами, сопоставимый военный потенциал, весьма значительный государственный сектор экономики, централизованный характер управления, наличие довольно жесткой властной вертикали, полиэтничность (при значительном преобладании «ядрового народа» цивилизации — русских и китайцев) и связанная с ней культурная гетерогенность. Вместе с присутствием так называемого советского синдрома (комплекса воспоминаний о совместно пережитом и в значительной мере идеализированном прошлом) эти черты экономики, населения и власти России и Китая объективно создают предпосылки для их сотрудничества. По всем остальным цивилизационным параметрам (религии, господствующему мировоззрению, отношению к семье и труду, жизни и смерти, характеру построения общества, власти и др.) они отличаются. И это обстоятельство оказало серьезное влияние на постановку и решение задачи модернизации России, Индии и Китая в конце XX — начале XXI века.

Так, китайское руководство, как и китайские ученые, интерпретируя современную (либеральную) глобализацию в качестве исторически неизбежной, оценили место своей страны в этом процессе весьма прагматично — с позиции извлечения максимальных выгод для Китая, ограничив одновременно возможные отри-

¹ Караганов С. А. Век войн? Статья первая // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22, № 1. С. 55.

цательные последствия, связанные с участием в данном процессе. Для этого начиная с 2001 по 2010 год Центром исследования модернизации и Группой исследования стратегий модернизации Китая были подготовлены 10 ежегодных докладов о модернизации. Каждый из них содержал анализ одного из ключевых аспектов модернизации и одновременно — характеристику общего ее состояния в мире и Китае на соответствующий год¹.

Впечатляет не только огромный объем системной работы, но и объективность исследования: разделив модернизацию на «первичную» и «вторичную», разработав «индексы развития» и проанализировав в соответствии с ними 131 страну, авторы включили Китай лишь в число «предварительно-развитых» стран, которые достигнут уровня «среднеразвитых» государств (таких, например, как Россия) лишь к 2040 году. Но учитывая темпы роста, китайский прагматизм, планируемые экономическую, социальную и научно-техническую политику Китая, эти цифры должны быть скорректированы в сторону значительного уменьшения. Китай уже сейчас по многим показателям превзошел Россию². А зная масштабы вложений КНР в науку и образование³, можно предположить, что постепенно БРИКС будет выстраиваться вокруг Китая и вскоре станет китайским проектом. Россия в нем будет занимать достойное, хотя и не доминирующее положение.

Но только в том случае, если завершит конфликт с Украиной и коллективным Западом на собственных условиях.

Победа в этой войне:

а) предполагает демилитаризацию западных территорий, которые получают статус нейтрального государства;

б) неизбежно приведет к деколлективизации Запада с последующим ослаблением режима антироссийских санкций, что, в свою очередь;

в) создаст условия для системной модернизации страны.

Планируя ее перспективы, не следует впадать ни в грех имперского мессионизма, ни в «цивилизационное равнодушие», которое предлагает Б. В. Межуев⁴. В области внутренней политики следует сосредоточиться на развитии социальных программ, медицины, образования и науки, на комплексном освоении Арктики, Сибири и Дальнего Востока, а в сфере международных отношений — на политике «гибких союзов» и альянсов, не отдавая предпочтения ни одному вектору взаимодействия. Эпоха российских надежд на Большую Европу «от Атлантики до Владивостока» канула в Лету, а время Большой Евразии неизвестно когда наступит. Поэтому в обозримом будущем перспективно придерживаться стратегии опоры на собственные ресурсы и равноудаленности от основных центров силы.

¹ Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / под ред. Ч. Хэ и Н. И. Лапина. М. : Весь мир, 2011.

² Маслов А. А. Трансформация аналитических центров как элемента «мягкой силы» Китая в 2010–2020 годах // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14, № 4. С. 6–22.

³ Общие расходы Китая на исследования и разработки (НИОКР) в 2022 году превысили 3 трлн юаней, что эквивалентно 418,2 млрд долларов США. Это на 10,1 % больше, чем годом ранее. В это же время траты Китая на НИОКР подскочили на 7,7 % в постоянных ценах, что выше целевого показателя годового роста в 7 %, установленного на период 14-й пятилетки (2021–2025 годы).

⁴ Межуев Б. В. Цивилизационное равнодушие // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20, № 5. С. 61–78.